

ЭЛЕКТРОННАЯ ХРЕСТОМАТИЯ «СУДЬБА СЕЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»: ОПЫТ СОЗДАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Представлен опыт создания электронной хрестоматии, посвященной истории села Белозеры Челябинской области в годы Великой Отечественной войны. Рассмотрены проблемы интервьюирования жителей села и творческого осмысления и использования зафиксированных устных историй в патриотическом воспитании молодежи.

Ключевые слова: интервьюирование, трудности чтения, устная история, патриотическое воспитание.

Y. Gushul

THE ELECTRONIC READER «THE DESTINY OF VILLAGE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR»: THE EXPERIENCE OF CREATING AND USING

There is represented an experience of creating of the electronic reader, which deals with the history of Belozyory village in Chelyabinsk region during the Great Patriotic War. The author considers the issue of interviewing rural people, creative reflection and using of oral stories in patriotic education of young people.

Key words: interviewing, difficulties with reading, oral story, patriotic education.

Об идее специалистов научно-образовательного центра «Информационное общество» Челябинского государственного института культуры и библиотечно-музейного сообщества с. Белозеры Троицкого района Челябинской области и их работе по подготовке к публикации электронной хрестоматии, посвященной вкладу жителей села в Победу Советского Союза в Великой Отечественной войне, мы писали ранее [Гушул, 2016].

После опубликования статьи работа продолжалась в рамках авторского проекта «Чтение как искусство». Мы увидели новые возможности

работы и трудности в осознании собираемого материала молодыми специалистами и студентами, которые, в свою очередь, «провоцируют» новые трудности в подаче этого материала и его интерпретации выразительными средствами искусства. Сказанное относится к «устным историям» – воспоминаниям ветеранов, вдов, участников войны, тружеников тыла, детей войны, которые по крупицам собирают молодые специалисты, школьники, записывая слова интервьюируемых. Подчеркнем, что такая осознанная работа с людьми и текстом для его максимального понимания и осознания сути героического прошлого односельчан, страны видится нам основой реализации программного документа Правительства РФ на 2016 г. «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». В нем заявлено, что «целью государственной политики в сфере патриотического воспитания является создание условий для... укрепления чувства сопричастности граждан к великой истории и культуре России, обеспечения преемственности поколений россиян...» [Государственная программа]. Действительно, именно с этой целью выявляются и записываются воспоминания, «устные истории», чтобы помнили. Но преемственность возможна и может быть реализована не просто на запоминании, а на активном понимании истории, осознании происходившего, на возможности использовать полученные знания в работе, в жизни. Знание невозможно без предварительного понимания. Понимание невозможно без активной интеллектуальной работы.

В процессе работы с «устными историями» (поиск интервьюируемых, запись, осмысление, чтение) на сегодняшний день мы выделили для себя две главные «точки роста» для дальнейших опытов и наблюдений. Во-первых, поиск «свидетелей», очевидцев событий; их интервьюирование, разговор с ними «по душам», «внедрение» в их память, часто несущее боль сострадания обеим сторонам. Во-вторых, выявление и преодоление трудностей чтения, то есть понимание записанного в процессе интервьюирования.

Поиск диалога – это уникальная практика, требующая проявления особых черт личности интервьюера, применения им особых знаний и умений, формирования особых компетенций: коммуникабельности, умения вести диалог, расположив к себе человека, в нашем проекте – человека в возрасте, значит, нужны дополнительные проявления такта, уважения, понимания и демонстрация хотя бы элементарных знаний

о Великой Отечественной войне. Не секрет, что современная молодежь более ориентирована на виртуальное, нежели реальное общение, научена письменно общаться с удаленным пользователем, нередко анонимным, с которым в любой момент можно прервать разговор (сеанс связи), сославшись на перебои с сервером. Здесь же – иная практика общения, «глаза в глаза», требующая умения тактично вывести на разговор, поддерживать монолог в течение определенного времени, умения корректно уточнять и конкретизировать непонятное, просить повторить. В целях более качественного построения интервью и, главное, его понимания главные интервьюеры под руководством Валентины Васильевны Куковой пришли к решению сформулировать (вместе со школьниками, при их инициативе) поаспектный план интервью, чтобы школьникам было легче выстраивать разговор по заранее известным вопросам.

– Ваша семья (многие, кто был в 1941–1945 гг. совсем ребенком, и помнят, и проговаривают очень мало фактов).

– Как Вы узнали о начале войны?

– Как отец уходил на фронт?

– Как Вы жили в тылу, как учились, как работали, что кушали, о чем думали и мечтали?

– Как Вы узнали об окончании войны?

– Что Вы можете пожелать молодым?

Вопросы придают смелость школьникам, учат их обдуманно общаться, осмысливая свои слова и возможные ответы, предвидеть изменение разговора. Кроме того, формулирование вопросов развивает логику, дисциплинирует, формирует аналитический подход к работе. Этого так не хватает в виртуальной среде.

Приведем пример ответов Владимира Васильевича Агулова:

Родился я 26 февраля 1938 г. в с. Сосновка Октябрьского района Челябинской области. Отец – Василий Нефедович, 1910 г. р. Мама – Наталья Михайловна – работала на разных работах, работала и на току. В семье родилось четверо детей: Алексей (1930), Зинаида (1935), Владимир (1938), Валентина (1941).

Началась война, отец ушел на фронт, был рядовым, пропал без вести в апреле 1942 г.

В войну брат Алексей ходил в школу, а Владимиру всего-то было 3 года. Кушали прелый картофель, лебеду, собирали паслен; если была возможность, то сажали очистки картофеля, свеклу и огурцы.

Смог окончить только 5 классов и пошел работать, летом – помогал на сенокосе, а зимой возил на быках волокуши, сено промерзало в стогах, руками его растеребивали. Мерзли, пока везли до базы.

Война закончилась, просто не верили.

После армии учился на курсах механизатора в с. Белозеры, окончил и стал дальше работать [Архив библиотеки села Белозеры, ф. 1, оп. 2, д. 1, л. 1].

В процессе редактирования и использования записанного в творческой работе было замечено, что налицо незнание слов, а отсюда и недопонимание действий, которые активно использовались в середине XX в., но в настоящее время уже стали устаревшими, непонятными молодому поколению школьников, потому что ушло многое: тот вид деятельности, те предметы сельского быта, сельскохозяйственного труда, те отношения, та мораль, то село, те общественные и государственные отношения. Причем непонятно и тем, кто записывает, и они, бывает, не понимают, что пишут, и тем, кто использует тексты (читает вслух, инсценирует) в рамках проекта «Чтение как искусство», «перекладывая» текст, в частности, на движение, танец. В последнем случае мы столкнулись с недопониманием студентов поколения Z – более старшего поколения, нежели школьники, – конкретных фрагментов текстов. Молодые читатели, не понимая текст, не могут «изобразить» его ни на бумаге, ни в танце, ни в голосе, выбрав верные линии, композицию, хореографию, интонацию. Не разговаривают они со своими предками, чтобы знать, понимать и помнить; если и читают, то нет четко устоявшегося навыка читать со словарем (к примеру, в нашем случае, со словарем историзмов, архаизмов). С одной стороны, возможно, таковых еще нет – слишком недалеко от нас середина XX в., всего-то шестьдесят лет информационного лага, с другой стороны – еще здравствуют и работают поколения, помнящие то время и его лексику, ориентирующиеся в его словарном запасе и, казалось бы, могущие и должны передать традиции следующим поколениям. Отсюда, возможно, мнение, что таковые словари создавать рано. Но мы увидели: самое время. Для того чтобы зафиксировать значение, тем самым сохранить для истории атмосферу прошлого, воссоздаваемую речью того времени. Для того чтобы вернуть школьную традицию советской школы – учить читать (даже художественные, мемуарные тексты) со словарем до автоматизма, чтобы при

встрече в тексте непонятого устаревшего слова не пропускать абзац в ожидании более понятного, более простого бытового текста.

Таким образом, трудности чтения студентов видим в трудности понимания текстов. Школьные учителя, особенно учителя литературы, уже заметили эту тенденцию непонимания текстов художественных произведений XIX в., начала XX в., назвав ситуацию непонимания школьниками читаемого на уроках литературы одной из самых серьезных проблем современного чтения. Действительно, проблема понимания важна (иначе – для кого мы работаем, для кого собираем «устные истории», если уже на наших глазах, не через сто лет, молодежь не понимает, о чем идет речь, что мы хотим им сказать, какую память передать), причем это понимание многолико: понимание «детьми – текста (от отдельных слов до всей конструкции в целом). Понимания нами (взрослыми, педагогами) – того же самого текста. Понимания нами – детей и того, чего они не понимают. Наконец, понимания самой проблемы понимания – того, что она существует и что из нее вырастает множество других проблем» [Волков, 2010].

Итак, выявленные нами трудности поколения Z в работе:

1) недопонимание услышанного ввиду незнания лексики исследуемого периода, влекущее за собой ошибки в записи услышанного, ошибки в оформлении абзацев текста, орфографические, стилистические ошибки;

2) сложности при чтении вслух, которые проявляются при недопонимании, нередко – непонимании читаемого/воспроизводимого следующим образом, в связи с чем возникают акцентологические ошибки, невозможность выбрать верную интонацию, невозможность передать верную интонацию, невозможность выбрать и передать верные громкость, скорость речи, запинки при чтении вслух, невозможность установить контакт с аудиторией;

3) сложности при иллюстрировании текста проявляются ввиду невозможности «увидеть» мысленно, как выглядит предмет или действие, о которых идет речь, поэтому невозможно нарисовать неизвестный предмет или действие, появляются ошибки в подборе иллюстративного изобразительного материала к тексту;

4) сложности при музыкальном сопровождении читаемого текста проявляются, вследствие чего возникают ошибки в подборе иллюстративного музыкального материала к тексту.

Один из способов преодоления трудностей чтения – создание словаря. О прошлом нашем опыте мы докладывали [Гушул, 2011, 2012]. Настоящая работа по созданию электронной хрестоматии вдохновила на создание словаря встречаемых устаревших слов в текстах-воспоминаниях, записываемых со слов ветеранов Великой Отечественной войны, тружеников тыла, детей войны. Тексты прорабатывали сами студенты, которым нелегко было признаться, что они не знают те или иные слова, что не понимают читаемое; им легче непонятный фрагмент просто выучить наизусть либо произнести перед аудиторией с запинками и по слогам. Почти все затруднялись ответить, как понять читаемое. Самые распространенные ответы: «посмотреть в Интернете» (причем никогда не уточняют, где посмотреть, на каком ресурсе). Очевидно: молодые люди – не все, но уже в большинстве своем – просто пропускают непонятое.

Приведем примеры фрагментов текстов, выделенных как непонятные, из которых затем были отобраны неизвестные слова для словаря и определены источники для их расшифровки.

Из воспоминаний Тамары Федоровны Белоусовой:

Первое дело – крапива, чеснок дикий, щавель, ягоды. Брат рыбу ловил, хорошее подспорье. Еще я помню, учетчица выдавала коlob подсолнечный и соевый, но мне не нравился соевый. Сколько на человека – я не помню, а может, давали только рабочим... [Архив библиотеки села Белозеры, ф. 1, оп. 2, д. 3, л. 1].

Из воспоминаний Веры Дмитриевны Блиновой:

Выдавали по 300 грамм хлеба на человека, варили картофельные очистки, коlob (жмых) – так и перебивались. После войны тоже было очень тяжело. Нашей семье начислили пособие 168 рублей на двоих детей [Там же, д. 4, л. 1].

Из воспоминаний Валентины Михайловны Булгаковой:

На войне папа был рядовым, его полевая почта – 414, эвакупункт 2. Пропал без вести в мае 1942 года. Мама работала на дойке. По рассказам мамы, парили лебеду и ели, тайком приносила коlob, мы и его ели, и картофель [Там же, д. 5, л. 1].

Из воспоминаний Александра Петровича Каменецкого:

Кушали мерзлый картофель, лебеду, чечевицу, собирали колоски на поле весной, а осенью – не разрешали, судили. Коlob подсолнечный, соевый выдавали по весу на человека [Там же, д. 10, л. 1].

Из воспоминаний Валентины Яковлевны Панариной:

Работала и на покосе, и волокуши на быках таскала, и на копнителе комбайна стояла, и прицепщиком на тракторе была, и с 15 лет стала дояркой [Там же, д. 17, л. 1].

Из воспоминаний Екатерины Карповны Разиной:

С 12 лет пошла работать. Мама ходила за плугом, в плуг запрягали быков, а я быков водила, потому что сами ходить не хотели. Осенью перебирала в поле картошку, сено скирдовала вместе со взрослыми, возила на быках торф [Там же, д. 18, л. 1].

Из воспоминаний Валентины Трофимовны Рыбалко:

Мама Ефросинья Порфирьевна в войну сторожила с собакой бурты с зерном, а днем хлопотала по хозяйству. Держали корову, сажали огород, ходили летом в лес по грибы, ягоды [Там же, д. 20, л. 1].

Из воспоминаний Любви Митрофановны Салтановой:

В войну кушали прессованный колоб, который давали скоту. Выращивали картофель, тыкву, белую свеклу и тушили в чугуне, то и кушали [Там же, д. 21, л. 1].

Из воспоминаний Надежды Ивановны Тарakanовой:

На полях находили мерзлую картошку, собирали. Хлеба давали очень мало – ведь все отправляли на фронт. Топили печь кизяком [Там же, д. 25, л. 1].

Из воспоминаний Ильи Егоровича Силенкова:

Приходилось сеять, косить сено, потом сгребать сено конными граблями. Вместе с отцом косили рожь, конной жнейкой. Рабочий день длился с утра до вечера. Самое трудное время было – 1942–43 годы [Там же, д. 7, л. 1].

Приведем некоторые слова из словника в качестве примеров непонимания поколением Z: *работать на току*, *прелый*, *возить на быках волокуши*, *колоб*, *жмых*, *копнитель комбайна*, *прицепщик на тракторе*, *водить быков*, *бурты с зерном*, *кизяк*, *конные грабли*, *конная жнейка*, *литая хата* и др.

При внимательной работе с очередной «устной историей» или при дальнейшем осознанном чтении можно найти расшифровку непонятного слова.

Из воспоминаний Марии Васильевны Щербаковой:

Я в 1941 году стала работать дояркой, приходили с утра и работали до самого вечера. После утренней дойки ездили скирдовать сено,

таскали его волокушами. Волокушка – это две сцепленные березы, на которые складывали сено и тащили к большой скирде, так и получалось, что работали от зари до заката. Варили картофель мерзлый, вязали сети, чтобы поймать рыбу, сосали колоб на работе, а если ухитрились, то незаметно брали домой и варили из него кашу [Там же, д. 8, л. 1].

Пример непонимания текста ввиду недостаточных знаний о периоде репрессий в стране в воспоминаниях Анны Григорьевны Медведевой:

Когда началась война, мы были вместе с родителями на высылках, в Сибири, куда нас отправили еще маленькими. Отец ушел на фронт. Мама работала, мы учились. Жили в бараке. Барак неоднократно затопляло водой. В помещении тоже была вода, сбивали доски и ходили по ним. У каждого барака была привязана лодка, чтобы можно передвигаться по воде. Один раз даже картошку не смогли выкопать – залило водой. Жили тяжело, есть было нечего. Хлеба давали 400 грамм, работающим – 600 грамм. Мы прожили там 12 лет.

В 1944 году мы вернулись в Бурханкуль. Дом наш еще целехонький стоял. Жили мы на выгоне, в начале деревни. Мама сказала: «Пойдемте, девки, посмотрите хоть, где мы жили». Пришли, а там уже живут. Мама не посмела туда зайти. И мы пошли в деревню Белошумаково, где жил мамин отец. Зашли во двор, дед сидел на крыльце, когда мама заговорила, он спросил: «Дашка, это ты?». «Я, пап, я», – она ответила. Мы погостили у них два дня и вернулись в Бурханкуль, к дяде Проне. У них была своя семья, и еще племянники жили с ними, всего детей 9 человек. А потом мы сделали литую хату...

В деревне работали от зари до зари, откуда только силы брались. Куда пошлют, туда и шла работать: косила, на граблях, пахали на быках и коровах, волокуши быки таскали, а мы их водили, возили в город Троицк зерно на быках, работала на самокопнителе, ходил комбайн с прицепом, а мы мешки кантарили на ходу, была на лесозаготовке три месяца...

Осенью вернулся отец с фронта. Я работала на щернотокке, на венке, закричали: «Нюска, твой отец вернулся!» [Там же, д. 5, л. 1].

Приведенные фрагменты показывают работу школьников и студентов, которая не заканчивается сбором устного материала и его переносом в текстовую форму, а продолжается в творческой передаче читателям. Возможно, в проекте «Чтение как искусство» мы, создавая, демонстрируем для лучшего понимания так называемый визуальный

гипертекст. Так, художникам были заказаны реалистичные изображения конкретных действий (*покос, пахали на быках и коровах, волокуши быки таскали, водили быков, работали на самокопнителе, комбайн с прицепом в поле, мешки кантарить на ходу, лесозаготовка и т. д.*). Будущим артистам – изобразить действие реалистично, хореографам – то же действие, но образно, используя выразительные средства хореографии. Музыкантам мы обычно предлагаем проиллюстрировать музыкальным произведением читаемое, поняв, какие ассоциации вызывает тот или иной текст. Тем самым, очевидно, происходит движение развития от «точек роста». Во-первых, при лучшем понимании активизируется поиск «свидетелей», тем более что школьники видят фиксацию в издании – электронной хрестоматии, которую можно взять в руки, выдать читателю в библиотеке, продемонстрировать на мероприятии, – своего труда, а также последующее его творческое использование читателями библиотеки, одноклассниками (при написании научно-исследовательских работ, подготовке творческого мероприятия) и реакцию на все это читателей, аудитории (пришли – не пришли, аплодировали, задавали вопросы и т. д.). Во-вторых, и словарь (и предварительная работа по его составлению), и объяснения преподавателей, и собственные поиски материала для презентации прочитанного «своими» средствами позволяют поднять читателя на новую высоту постижения текста, помочь ему преодолевать трудности чтения, обеспечить возможность развиваться как личность.

Волков С. Заметки учителя-словесника // Библиотека в школе. 2010. № 1. URL: http://lib.1september.ru/view_article.php?ID=201000105 (дата обращения: 13.07.2017).

Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» [Электронный ресурс] // Образование и православие (сайт). URL: <http://www.orthedu.ru/obraz/14526-gosudarstvennaya-programma-patrioticheskoe-vospitanie-grazhdan-rossiyskoy-federacii-na-2016-2020-gody.html> (дата обращения: 13.07.2017).

Гушул Ю. В. Инструментарий аналитика (методика работы над терминологическим словарем) // Мир библиографии. 2012. № 1. С. 3–7.

Гушул Ю. В. Нацеленность только на будущее, или Методика работы над терминологическим словарем // Музейный вестник. Челябинск, 2011. Вып. 11. С. 79–87.

Гушул Ю. В. Предложения по методике работы над терминологическим словарем // Книга и мировая культура : сб. науч.-практ. трудов. Омск, 2011. Вып. 6. С. 124–135.

Гушул Ю. В. Электронная хрестоматия: методический инструмент-аналитика // Культура – Искусство – Образование. XXXVII науч.-практ. конф. профессорско-преподават. сост. вуза. Челябинск, 5 февр. 2016 г. : [материалы конф.]. Челябинск : ЧГИК, 2016. С. 103–107.